

A man and a woman are walking away from the viewer down a narrow, muddy path in a dense forest. The man is on the left, wearing a dark coat, and the woman is on the right, also in a dark coat. They are holding hands. The forest is filled with tall, thin trees, and the air is thick with mist or fog, creating a somber and mysterious atmosphere. The ground is covered in fallen leaves and branches.

Кроличья Нора

Терентий Залепукин

Терентий Залепукин

Кроличья Нора

«Автор»

2026

Залепукин Т.

Кроличья Нора / Т. Залепукин — «Автор», 2026

Виктор и Настя — последние сотрудники, оставшиеся доживать последние дни в умирающем пионерском лагере. Их рутинная работа по консервации имущества превращается в кошмар, когда они проникают в старый, запертый годами хозблок.

© Залепукин Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. ПРИЕЗД	5
I	5
II	6
III	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Терентий Залепукин Кроличья Нора

Часть первая. ПРИЕЗД

I

Автобус до лагеря «Смена» ходил три раза в неделю, и даже это, по слухам, должно было закончиться в сентябре — вместе со всем прочим, что ещё теплилось на этом клочке соснового берега в сорока минутах от города. Виктор сошёл на грунтовой развилке, где асфальт кончался так резко, будто дорожники в какой-то момент просто устали и ушли обедать навсегда, и остаток пути — километра полтора — прошёл пешком, неся вещи в спортивной сумке с оторванной наполовину лямкой.

Ему было то ли тридцать пять, то ли пятьдесят — сам он, кажется, давно перестал следить за цифрой, а лицо у него было из тех, что не поддаются датировке: не молодое, не старое, обветренное с одной, более употребимой стороны, как деревянный забор, который красили только с той половины, что видна с дороги. В трудовой книжке, если бы кто-то потрудился её открыть, значилось бы много всего и понемногу — сторож, электрик четвёртого разряда, кто-то ещё, — и ни одна запись не тянула бы больше года. Директриса лагеря, Ирина Павловна, женщина с голосом, отточенным тридцатью годами линейек и построений, наняла его по телефону, даже не увидев вживую, — сказала только: «Нам бы до конца сезона продержаться, там всё равно закрываемся насовсем», — и в этом «насовсем» Виктору послышалось не сожаление, а облегчение, как у человека, снимающего наконец тесную обувь.

Лагерь открылся ему из-за поворота так, как открываются места, которые больше двадцати лет не видели свежей краски: сначала ворота, покосившиеся, с облупившейся звездой над аркой, потом ряд корпусов, крашенных когда-то в бодрый морской синий, а теперь — в цвет застоявшейся воды, потом столовая с проваленной, будто вздохнувшей крышей одного крыла. Сосны стояли здесь так же, как стояли, надо думать, полвека назад, — равнодушно, вне всякой связи с людскими планами закрытий и открытий, — и в их равнодушии было что-то, отчего Виктору, человеку, в принципе не склонному к сантиментам, стало на мгновение не по себе, — ощущение, которое он, впрочем, тут же и забыл, списав на дорогу и жару.

На крыльце административного корпуса его ждала девушка лет двадцати трёх, в растянутой футболке с полустёртым принтом какой-то давно забытой рок-группы, с сигаретой, которую она держала так, будто это была скорее деталь костюма, чем предмет для курения.

— Вить? — спросила она, не вставая. — Я Настя. Мы тут вдвоём, короче, до конца месяца. Остальные уже свалили.

— Двое на весь лагерь?

— Ирина Павловна сказала, надо всё описать, сдать, законсервировать, что можно. — Настя щёлкнула окурком в консервную банку у ноги. — Электричество тут через раз, вода тоже. Романтика.

Она произнесла это слово — «романтика» — с той интонацией, с какой произносят названия болезней, и Виктор, ещё не зная её и трёх минут, уже понял, что это будет их общий язык на ближайшие недели: ирония как единственная доступная форма выживания в месте, которое медленно, но необратимо переставало существовать.

II

Работа, как это всегда бывает вначале, оказалась скучнее любого сюжета, придуманного заранее: опись инвентаря, сверка номеров на матрасах, подсчёт кастрюль в столовой, где даже эхо звучало как-то простужено. Дни стояли те плотные, отяжелевшие августовские дни, когда солнце будто задерживается на небе дольше положенного, не желая признавать, что лето заканчивается, — и вечерами, когда становилось прохладнее, Настя с Виктором сидели на ступенях столовой, пили растворимый кофе из погнутых кружек и обменивались той дозированной откровенностью, какая возможна только между людьми, знающими, что расстанутся через месяц и больше никогда не увидятся.

— А хозблок ты видел? — спросила она на третий, кажется, вечер, кивнув куда-то за спортивную площадку, где за рядом переросших кустов барбариса виднелась крыша здания, явно куда более старого, чем всё остальное на территории, — сложенная из потемневшего от времени кирпича, без единого следа той синей краски, которой красили корпуса.

— Мельком.

— Его тут никто не трогает. Говорят, он ещё до лагеря стоял — типа, тут раньше усадьба была какая-то, или ферма, я не помню точно, — и хозблок вроде как единственное, что от неё осталось. Лагерь вокруг него уже потом построили.

— И что там?

— А фиг знает. Заперто на замок ещё с советских времён, наверное. Вожатые байки рассказывают детям — типа, там кто-то живёт, кто-то там сгинул в шестидесятых, обычная лагерная дичь. — Настя усмехнулась, но усмешка вышла чуть более натянутой, чем того требовала небрежность фразы. — Только там задвижка на воду главная. Ирина Павловна сказала, надо перед закрытием всё перекрыть, а то трубы зимой порвёт. И ключа от хозблока ни у кого нет — потерялся лет пять назад, наверное, вместе с завхозом, который уволился.

— То есть нам туда лезть?

— То есть нам туда лезть, — подтвердила Настя с той же интонацией, с какой минуту назад произносила слово «романтика».

III

Они дотянули с этим до пятницы — не сговариваясь, но с одинаковым, необсуждаемым единодушием людей, откладывающих неприятное дело до последнего разумного срока. Пятничным вечером, в тот час, что фотографы называют золотым, а обычные люди — просто предзакатным, они взяли с собой фонарики, монтировку из инструментального сарая и, повинаясь какому-то смутному, необъяснимому порыву, старую алюминиевую лестницу, прислонённую с незапамятных времён к стене кухни.

Хозблок стоял в глубине заросшего участка, огороженного отдельным, более низким забором из проржавевшего сетки-рабицы, — и ворота, ведущие во внутренний двор, действительно были заперты на замок настолько старый, что сама ржавчина на нём казалась музейным экспонатом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.